ДЫШЛО.

Ремесла за плечами не носишь, а съ нимъ добро. Конечно, ремесло ремеслу рознь; но всякое знаніе и умѣнье кормитъ человѣка, а находчивость спасаетъ.

Вотъ, сударь мой, какіе для примѣра бываютъ случаи. Небольшаго чина военный человѣкъ, свойственно и прилично званію своему, былъ горяченекъ, срывчивъ, что говорится, скоръ на–руку. Случилось ему какъ–то переправляться на перевозѣ, и довелось сѣсть въ лодкѣ самъ–третей: съ чиновникомъ, также въ каскѣ и съ краснымъ воротомъ, да только не военнаго, а другаго вѣдомства, и съ какимъ–то купцомъ. Какая у нихъ ссора на водѣ вышла — этого достовѣрно не знаю; должно быть, за непочтительность; но ужъ лодка стала подплывать къ противному берегу, какъ военный, не говоря худаго слова, хвать своего сосѣда всей пятерней повыше

краснаго воротника. На лодкѣ поднялся крикъ, суматоха; перевозчикъ чуть не выронилъ изъ рукъ веселъ; между–тѣмъ проходитъ берегомъ, либо стоитъ и ждетъ переправки, аудиторскій писарь. Увидѣвъ такое причинное дѣло и понимая всю важность его, онъ, какъ опытный въ такихъ дѣлахъ человѣкъ, тотчасъ спохватился — какъ же и не помочь своему брату, военному — и кричитъ во весь голосъ на лодку: «Ваше благородіе, что вы это дѣлаете? вѣдь бѣда будетъ! Бейте скорѣе въ рожу купца–то ради прикосновенности, чтобъ не годился въ свидѣтели!»

Вотъ, сударь, кабы этотъ добрый человѣкъ не подоспѣлъ со стороны во–время и кстати, чтобъ научить молодаго офицера уму–разуму, такъ бѣдному могло бы быть и худо: перевозчикъ да купецъ, два стороннихъ, неприкосновенныхъ къ дѣлу и неотводныхъ свидѣтеля, еслибъ они сдѣлали подъ присягой согласное показаніе, составили бъ этимъ полную и законную улику, на основаніи которой судъ былъ бы вынужденъ обвинить военнаго; а какъ

одинъ только свидѣтель, перевозчикъ, не винитъ еще передъ судомъ обвиняемаго, а другой отводится и не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, будучи и самъ истцомъ, то судъ могъ развѣ только оставить обвиняемаго въ подозрѣніи. Не сообрази человѣкъ всего этого второпяхъ, да не поправься, поколѣ еще было время — ну, и пропалъ бы, что называется, ни за грошъ.

Правда и то, что коли о всякомъ дѣлѣ говорятъ, что оно мастера боится, то о дѣлахъ этого рода, гдѣ все виситъ на тонкостяхъ, и подавно надо разумѣть то же. Надо всѣ эти тонкости знать; надо быть большимъ законникомъ и держать на–готовѣ всѣ приправы и уловки, чтобъ не попасться, не опростоволоситься. А ловкій законникъ, смышленый подъячій и стряпунъ, тертый приказный — куда какъ ину пору вертитъ дѣлами; бѣда, да и только; вся власть въ его рукахъ. И черно — бѣло, и бѣло — черно, и красно пестро; словомъ, ровно добрый плотникъ: что захотѣлъ, то и срубилъ; за всякое дѣло

какъ за дышло берется: куда хочетъ, туда и воротитъ.

Вотъ, сударь, была у насъ этакая хорошая штука, какъ секретарь гражданской палаты, у котораго, кромѣ пера съ махалкой, не было никакихъ родовыхъ вотчинъ — продалъ съ тысячу десятинъ лѣсу, да еще и строеваго. Лѣсъ этотъ продалъ онъ больно–дешево, потому–что онъ былъ чужой, но за–то продалъ его крѣпко, все одно, то–есть, что обвѣнчалъ, и денежки сполна получилъ и во владѣніе ввелъ. Ловкій былъ человѣкъ на эти дѣла, дока!

Вишь, одинъ помѣщикъ покупалъ у другаго имѣніе, да долго не сходились въ цѣнѣ, да въ условіяхъ. Покупщику хотѣлось купить вотчину–ту съ лѣсомъ — а лѣсъ былъ знатный, особнякъ. Продавецъ дорожился, и дорожился именно по своимъ разсчетамъ за лѣсъ. «Ну» говоритъ, «такъ изволь купить имѣніе мое безъ лѣсу; покиньте его мнѣ»; а опричь лѣсу, вишь, они въ цѣнѣ сходились. «Нѣтъ» говоритъ тотъ: «безъ лѣсу купить бы не хотѣлось.

Что ужъ мнѣ козла въ огородъ пускать, держать сосѣда въ особнякѣ; лучше уступите, да отдайте и съ лѣскомъ, такъ будемъ сватами.» Ну, вотъ они и съѣхались по уговору вечеркомъ для этого дѣла, чтобъ, то–есть, поступившись другъ другу тѣмъ–сѣмъ, сладить, порѣшить, да написать условія для купчей. Съѣхавшись, да и пригласили къ этому дѣлу, какъ человѣка свѣдущаго, секретаря гражданской палаты. У него же въ рукахъ будетъ и дѣло это вершиться, такъ оно ужъ одно къ одному, и кстати.

Сошлись, толковали долгонько, а все какъ–то ихъ толкъ–отъ не беретъ. Одинъ опять гнетъ въ свою сторону: «Давай, говоритъ, куплю съ лѣсомъ», другой воротитъ въ свою: «Коли 25 тысячъ не дашь за лѣсъ, такъ покинь его, торгуй вотчину по себѣ, а лѣсъ пусть будетъ за мною». Дѣло–то все какъ–то и не клеится.

Тѣмъ временемъ продавецъ на часокъ вышелъ; а секретарь, оглянувшись, и говоритъ вполголоса покупщику:

— Вамъ больно хочется купить вЩтчину–ту съ лѣсомъ?

— Да, говоритъ: — очень бы желательно, да дорожится; этой цѣны дать нельзя, а безъ лѣсу что–то неохота пускаться.

— Такъ покупайте скорѣе имѣніе безъ лѣсу, да молчите и не хлопочите ни о чемъ: лѣсъ будетъ вашъ.

— Какъ же такъ?

— Лѣсъ вы у меня купите; я вамъ его продамъ. Что дадите?

— Да какъ же вы его продадите? Я что–то не пойму.

— И не ваша забота понимать, это мое дѣло, продамъ, да и только, и будетъ вашъ. Что дадите?

— Да не знаю, право, какъ это....

— Чего вамъ знать? Толковать долго никогда; вотъ воротится продавецъ, такъ и кончены торги наши. Хотите купить, такъ и покупайте — будетъ крѣпко.

— Что просите?

— Нынѣшній хозяинъ не отдаетъ ниже 25 тысячъ, я скидываю 15 тысячъ, дорожиться не хочу; но ужъ меньше ни копейки.

— Да какъ же вы продадите чужой лѣсъ?

— Опять–таки! Говорю вамъ, что это не ваша забота; коли продамъ, такъ будетъ не чужой, а вашъ; впередъ не возьму ничего, для вѣрности можно раздѣлить задаточекъ такъ, чтобъ моя половина безъ вашей не годилась въ дѣло.

Сладили и ударили по рукамъ.

Продавецъ воротился. «Ну» говоритъ покупщикъ, «видно съ вами не сладишь — безъ лѣсу, такъ безъ лѣсу, давайте писать условіе. Не вѣкъ жить изъ–за этого дѣла въ городѣ: пора и ко дворамъ.» Секретарь живо настрочилъ, къ обоюдному удовольствію, всѣ условія, толкъ короткій, примѣрную купчую, а объ лѣсѣ ни тутъ, ни тамъ нѣтъ и помину. «Дѣло объ лѣсѣ», сказалъ секретарь на ушко покупателю «особь статья; ее мы обдѣлаемъ утре. Утро вечера мудренѣе».

На другой день живо и безъ всякой задержки переписали набѣло купчую, засвидѣтельствовали какъ слѣдуетъ, еще разъ толкомъ прочитали, записали въ крѣпостную книгу.... Покупщикъ все

поглядываетъ на секретаря, видя, что дѣло подходитъ къ концу, а объ лѣсѣ нѣтъ и рѣчи; а секретарь только мигаетъ и киваетъ ему на всѣ лады, чтобъ только угомонить его и увѣрить, что дѣло будетъ сдѣлано. Дрогнула–было рука у покупщика напослѣдокъ, какъ пришлось расписываться въ книгѣ, за подписью продавца, въ полученіи подлинной купчей; но секретарь опять–таки его съумѣлъ кой–какъ успокоить и дѣло кончилось благополучно; раскланялись и разошлись.

Этого покупщикъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ и тотчасъ же, проводивъ продавца, воротился въ палату, чтобъ потребовать отчета у секретаря.

— Будьте, пожалуйста, спокойны, сказалъ тотъ: — дѣло ваше идетъ своимъ порядкомъ, какъ–нельзя–лучше. Приходите ко мнѣ на домъ тотчасъ послѣ присутствія, да готовьте деньги.

Покупщикъ, выждавъ съ большимъ нетерпѣніемъ урочное время, приходитъ, и съ какимъ–то тягостнымъ недоумѣніемъ

глядитъ секретарю–продавцу въ глаза, не понимая, чѣмъ теперь дѣло это кончится.

— Ну, началъ тотъ: — такъ вамъ желательно пріобрѣсти лѣсъ, а владѣлецъ упрямится, не продаетъ: и продадимъ и купимъ безъ него, не обезпокоимъ. Пожалуйте купчую, гдѣ она у васъ? въ купчей этой лѣсу нѣтъ?

— Вы сами знаете, что нѣтъ.

— Ну, стало–быть, она намъ и негодится.

И за словомъ изорвалъ ее въ клочки. Покупщикъ испугался–было этого невиданнаго способа покупки лѣса и кинулся на свою купчую; но тотъ, отвернувшись рѣшительно въ сторону, покончилъ свое дѣло.

— Теперь, продолжалъ онъ: — у васъ и купчей нѣтъ: она затеряна; вы подадите завтра же просьбу объ этомъ въ палату — вотъ она и просьба готова; вы требуете копію съ крѣпостной книги: это будетъ такая жъ купчая, она ей во всемъ равносильна; а тамъ–то, изволите видѣть,

въ крѣпостной книгѣ, лѣсъ–то есть, и включенъ онъ въ одну цѣну.

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный покупщикъ, все еще неясно понимая въ чемъ дѣло.

— Я вамъ говорю, что, за утратою подлинной купчей, выдадимъ вамъ другую, списавъ ее съ крѣпостной книги, а тамъ лѣсъ вписанъ; вѣдь въ книгѣ–то оба вы съ продавцомъ расписались, не прочитавъ записки; на это–то я и билъ. Готовьте другую половину бумажекъ, да подписывайте–ка вотъ просьбу.

Замѣчаніе о другой половинѣ бумажекъ относится къ тому, что, заключивъ между собою *законное* условіе о продажѣ и покупкѣ чужаго лѣса, пріятели другъ другу не довѣряли, а потому покупщикъ и разорвалъ условную сумму пополамъ, раздѣливъ ее такимъ–образомъ, что одному достались однѣ верхнія, другому нижнія половинки. Такъ у насъ колютъ пополамъ и бирки съ зарубками, для вѣрнаго взаимнаго счета.

Покупщикъ подалъ просьбу въ палату о томъ, что потерялъ свою купчую, и просилъ о выдачѣ довѣреннаго списка, изъ книги. Дѣло это обычное, бывалое; никто въ палатѣ не обратилъ на это большаго вниманія, и списокъ былъ выданъ, вѣрный отъ буквы до буквы съ подлинникомъ, потому–что статья въ крѣпостной книгѣ составляетъ настоящій документъ. Въ спискѣ этомъ, какъ обѣщалъ секретарь, оказался и лѣсъ, о коемъ идетъ рѣчь, съ подробнымъ обозначеніемъ межъ и граней. Покупщикъ, по совѣту секретаря, помѣшкалъ нѣсколько, протянулъ время, подалъ просьбу о вводѣ во владѣніе, выждалъ сроки, и сталъ безспорнымъ владѣльцемъ купленной вотчины и лѣса. Бывшій владѣлецъ, узнавъ объ этомъ, когда уже пошла рубка въ лѣсу и полѣсовщики его были высланы, закричалъ–было, какъ говорится, въ свинъ голосъ, зашумѣлъ; но когда ему растолковали дѣло и показали въ крѣпостной книгѣ четкую подпись его, то онъ содрогнулся отъ ужаса при мысли о такой неслыханно–наглой продѣлкѣ,

смирился поневолѣ и сталъ усердно совѣтовать всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ, другу и нидругу, читать со вниманіемъ все, что они подписываютъ, даже готовые документы, записываемые при куплѣ и продажѣ въ крѣпостную книгу, чего нынѣ почти никто не дѣлаетъ, довольствуясь обычно тѣмъ, что читаютъ и перечитываютъ самый актъ. Никому не приходитъ въ голову, что можно совершить подложный актъ, а въ книгу, другимъ подлогомъ, записать другое, и что, при утратѣ купчей, крѣпостная книга рѣшаетъ дѣло.

Вообще, довольно–опасно не читать того, что подписываешь. Я зналъ секретаря, который, приходя съ докладомъ, всегда приносилъ съ собою небольшой запасъ безсмысленныхъ бумагъ, подписанныхъ въ задумчивости, или въ часъ недосуга начальникомъ; бумаги эти служили острасткой и пугаломъ, если начальникъ упрямился и не хотѣлъ чего–либо подписать, или уступить въ чемъ секретарю. Каждая изъ такихъ бумагъ

выкупалась новой жертвой, новою уступкой, и затѣмъ уничтожалась; но какъ начальнику не было извѣстно, какъ великъ былъ этотъ грозный запасъ подписанныхъ имъ беззаконій, то онъ и не выходилъ изъ кабалы у своего письмоводца.